

УДК 93/94

Коренизация в Бурят-Монголии: как этничность встраивалась в советский модернистский проект?

П.К. Варнавский

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, ул. Сахьяновой 6, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия
wpk1@mail.ru

Статья поступила 31.11.2018, принята 8.12.2018

В статье рассматривается политика национализации, или «коренизации», осуществлявшаяся в Бурят-Монголии в конце 20-х – 30-е гг. прошлого столетия. Проводится комплексный анализ этой политики в контексте общего идеологического курса Советского Союза. Рассматривается роль традиционной культуры и этничности в практике конструирования правящей элитой советских идентичностей. Автор приходит к выводу о том, что коренизация была призвана встроить этничность в советскую политическую систему и погасить тем самым ее мобилизационный потенциал, перенаправив его в русло национально-государственного социалистического строительства. В свою очередь, традиционная этничность инкорпорировалась в модернистский социалистический проект и превращалась в его неотъемлемую часть.

Ключевые слова: Бурят-Монголия; модернистский социалистический проект; советское нациестроительство; коренизация; этнолингвистическая политика; идеология; этничность.

Indigenization in Buryat-Mongolia: how was ethnicity implemented into the Soviet modernist project?

P.K. Varnavskiy

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS; 6, Sakhyanova St., Ulan-Ude, Russia
wpk1@mail.ru

Received 31.11.2018, accepted 8.12.2018

The article is devoted to the policy of "nationalization" or "indigenization", carried out in Buryat-Mongolia in the late 1920s – 1930s. A comprehensive analysis of this policy is considered in the context of the general ideological course of the Soviet Union. On the basis of archival materials, the author is studying the role of traditional culture and ethnicity in the practice of constructing of Soviet identities by the ruling elite. There is a conclusion that indigenization was intended to embed ethnicity in the Soviet political system and thereby extinguish its mobilization potential, redirecting it to the course of national-state socialist construction. In turn, the traditional ethnicity was incorporated into the modernist socialist project and became an integral part of it.

Keywords: Buryat-Mongolia; modernist socialist project; soviet nation-building; indigenization; ethno-linguistic policy; ideology; ethnicity.

Запущенные большевиками через созданные в Бурят-Монголии институты государственности революционные процессы трансформации не являлись односторонним социальным экспериментом, а представляли собой многоуровневое взаимодействие со значительной долей взаимовлияния и взаимопроникновения. Этнонациональная политика большевиков в основном строилась на отрицании ценностной значимости традиционной культуры и базирующейся на ней этничности. Однако, считаясь с силой их влияния, большевики допускали некоторое их проявление в общественной практике, стремясь при

этом «растворить» этническую идентичность в государственной и идеологической лояльности.

Важнейшим инструментом по созданию социалистических наций и формированию советских этничностей была практика «коренизации». Если обратиться к историографии вопроса, то под коренизацией подразумевается обычно система мер по развитию этно-национальных языков и элит. Она «предусматривала расширение образования и подготовку кадров управленцев, хозяйственников и интеллигенции среди “коренных национальностей” в республиках» [1, с. 22]. По меткому выражению Т. Мартина, «на

каждой национальной территории язык титульной национальности становился официальным государственным языком. Национальным элитам давали образование, их выдвигали на руководящие посты в партийных органах, правительстве, промышленности и образовательных учреждениях каждой национальной территории» [2, с. 69]. Одновременно большая часть историков интерпретирует «коренизацию» в качестве базового и самостоятельного направления коммунистической национальной политики, не принимая в расчет общий идеологический курс, проводившийся властью. Вот почему всю эту практику часто редуцируют до проблемы формирования локальных организационных структур, в которые входили бы члены «коренных» народов, а факт наличия таких структур репрезентировал бы «национальную» сущность государственно-этнических образований. К тому же советская языковая политика интерпретируется учеными также отдельно от практики коренизации. А ведь связь между двумя этими компонентами очевидна, что иллюстрируют документальные источники того времени. К примеру, 4-е секретное совещание РКП (б) подчеркивало значимость «систематической и неуклонной работы по национализации государственных и партийных учреждений в республиках и областях в смысле постепенного ввода в дело производство местных языков, с обязательством ответственных работников изучить местные языки» [3, с. 284]. Функциональное и имиджевое использование национальных языков местными управленческими элитами стало актуальной целью коренизации. При этом имплицитно считалось, что языковая компетенция чиновников вне зависимости от их этнического статуса и аскрипции — это достаточный факт, свидетельствующий об ее успехе.

Если рассматривать оба аспекта национальной политики большевиков (и коренизацию, и языковые практики) в их совокупности, то это даст возможность лучше понять функцию этнической традиции в контексте советского национал-строительства и, шире, в проекте социалистической модернизации.

Коренизация кадров: идеологическая миссия и практики реализации. Для более адекватного понимания коренизации в процессах советской модернизации национальных периферий необходимо рассмотреть задачи, на разрешение которых коренизация была направлена.

Во-первых, это усиление позиций советской власти: «В соответствии с глубоким психологизмом ленинской и сталинской интерпретации национального вопроса, упор делался на субъективные следствия коренизации... Реализация этой политики должна была сделать советскую

власть “родной”, “близкой”, “народной” и “понятной”. Коренизация удовлетворяла позитивные психологические потребности национализма: “чтобы массы видели, что советская власть и ее органы есть дело их собственных усилий, олицетворение их чаяний”» [2, с. 70]. В русле этой идеи большевики предполагали, что наличие собственной этно-национальной управленческой прослойки гарантировало бы «восприятие советской власти как коренной, а не навязанной извне русским империализмом» [2, с. 71]. Центральной «задачей национально-автономного строительства, — пишет А.А. Елаев, — было приспособление органов создаваемой государственной власти и их аппарата к местным национальным условиям. Для ее решения необходимо было в сжатые сроки осуществить перевод делопроизводства на бурятский язык и привлечь в аппарат представителей “коренной” национальности. Эта объективная необходимость совпадала с задачами укрепления Советской власти в республике и усиления ее влияния на бурятское население» [4, с. 182]. Участники 3-го съезда Советов Бурят-Монгольской АССР отмечали, что «коренизированные» органы местной власти «должны явиться опорой Советского правительства» [5, с. 3].

Основные установки коренизации применялись не только в советских органах управления, но и выступали в качестве базовых принципов подбора партийных кадров. В этом смысле все локальные республиканские партийные структуры этнически маркировались и довольно жестко соотносились с конкретной титульной этнической группой: «Их руководящие кадры, особенно первые лица, от ЦК до райкомов, назначались, как правило, из числа представителей соответствующих национальностей. Это имело и практическое, и символическое, не менее, впрочем, важное значение» [6, с. 213]. Тактическая необходимость в данном случае перевешивала даже такие важные концепты революционно-социалистической доктрины, как присущий ей интернационализм и преимущество классового вопроса над национальным. В то же время этнизация партийных организационно-управленческих структур осуществлялась не в ущерб процессу укрепления Советов на местах: «Необходимо в соответствии с данными Обкомом на места директивами и планом по национализации аппаратов и выдвиганию работников напрячь возможно большее внимание всей парторганизации по их осуществлению, чтобы на этой основе иметь возможность в наибольшей мере приблизить наши органы к широким массам рабочих, бурят и крестьян» [7, с. 29]. Серьезной организационно-кадровой задачей при этом был, опять же, рекрутинг в ряды ВКП (б) представителей титульных, коренных националь-

ностей: «выращивание и развитие из пролетарских и полупролетарских элементов местного населения молодых коммунистических организаций национальных республик и областей... Лишь тогда Советская власть будет крепка в республиках и областях, когда там упрочатся действительно серьезные коммунистические организации» [3, с. 282]; «Надо помнить, что в отсталых республиках и областях только наша партийная организация открывает для известных низовых элементов, искренне революционных, но недостаточно развитых и закаленных, возможность постепенно развиваться в законченных коммунистов» [3, с. 282].

Во-вторых, это массовая культивация и индоктринация идеологии социализма. Конечно, такая цель делала необходимым формирование новой локально-национальной элиты, которая и «должна была...проводить коммунистическую доктрину в жизнь» [1, с. 22]. Практика коренизации предполагала «систематическую идейную работу за принципы марксизма и за подлинный интернационализм против уклона к национализму. Только таким образом можно будет изживать успешно местный национализм и перевести на сторону Советской власти широкие слои местного населения» [3, с. 283]. Именно таким путем «ускоренно формировалась национальная интеллигенция» — новая интеллектуальная элита, которая в состоянии «воспринять и переработать социалистические идеи» и «содействовать ускоренной интеграции коренного населения в советскую государственность» [8, с. 195]. В общем коренизация «способствовала формированию интеллигенции, которая адаптировала и донесла социалистические идеи до своих народов» [8, с. 197].

Кадровый подбор новой элиты осуществлялся через жесточайший фильтр лояльности к новой власти. Для претендента или кандидата на пополнение ее рядов едва ли не самым значимым пунктом выступали «наличие революционной сознательности» [8, с. 196] и идеологическая близость к ВКП(б), что определялось прежде всего фактом социального происхождения соискателя. Это обстоятельство легло в основу нового механизма вертикальной социальной мобильности, получившего название выдвигенчества. Этот социальный лифт предполагал активную практику «смелого выдвижения бурят-батраков, бедняков и лучших середняков, знающих родной язык, как на руководящую, так и на техническую работу в учреждениях, одновременно очищая советский аппарат от элементов старого чиновничества, носителей бюрократизма, шовинизма и национализма» [9, с. 6], а для нужд «советского и партийного строительства» предписывал «вербовать в партию стойких сознательных рабочих с производства, а также сельскохозяйственных рабочих батраков»

[9, с. 6]. Гарантией сохранения своего властно-политического контроля становилась практика назначения на руководящие посты уже давно проверенных коммунистов с солидным партийным стажем: «В основу подбора и комплектования работниками номенклатурных должностей... было положено добиться наибольшего обеспечения командных высот различных отраслей работы коммунистами...» [7, с. 27].

Таким образом, персона, имеющая оптимальные шансы на быстрый карьерный успех в рамках практики коренизации, должна была обладать двумя важными характеристиками — принадлежностью к титульному этносу и членством в ВКП(б), что подтверждается документально: «В области комплектования партийных и непартийных аппаратов обратить внимание... на необходимость дальнейшего усиления проведения национализации аппаратов, особенно бурятами восточниками, развернув в должной мере работу по подготовке работников бурят... и большего подбора коммунистов на руководящие должности отраслей здравоохранения, финансовой, кооперативной, земельной и планово-регулирующей» [7, с. V].

Общая стратегия коренизации, понятное дело, формулировалась в Москве. Но, спускаясь на локальный регионально-республиканский уровень, этот курс конкретизировался и детализировался, приобретая местные особенности. Корпус документальных текстов и реальных административно-кадровых действий как в центре, так и на местах составил определенный политический дискурс, экспликация содержания которого дает возможность изучения и анализа некоторых параметров модернизационного проекта, проводившегося коммунистическим руководством.

Важным мероприятием, заложившим принципиальные основы политики коренизации «сверху», стало июньское 4-е секретное совещание ЦК РКП (1923 г.). На нем были сформулированы главные принципы коренизации, среди которых доминирующим стал принцип идеологической лояльности. Уже тогда была заложена мысль о чистке руководящих органов и управленческих структур, которая опиралась бы на идеологический критерий. Предлагалось и предполагалось осуществить «чистку государственных и партийных аппаратов от националистических элементов (имеются в виду в первую голову русские, а также антирусские и иные националисты)» [3, с. 284]. Образовавшиеся за счет нее вакансии планировалось заполнить с помощью «работы наших ответственных работников в республиках и областях по выработке кадров советских и партийных работников из числа членов партии» [3, с. 284]. Характерно, что в этой части стенограммы совещания совсем не обсу-

дается вопрос этничности новой элиты, зато подчеркивается значимость ее политической и идеологической ориентации. С одной стороны, как было сказано выше, этот факт объясняется установкой на этнизацию управленческого слоя. С другой стороны, здесь вступает в действие второй составной элемент политики коренизации — языковой фактор. Как мы помним, суть «национализации» состояла еще и в том, что местная властная элита, вне зависимости от своих этнических характеристик, должна быть в состоянии вести свою управленческую деятельность на языке «титულიной нации». Так, в постановлении Президиума ВЦИК от 14 апреля 1924 г. указывалось: «В целях приспособления Советского аппарата в национальных областях и республиках к быту коренного населения и привлечения последнего к активному советскому строительству считать необходимым постепенно переводить делопроизводство всех гос. органов или отдельных их частей на соответствующие местные языки» [4, с. 183]. Иными словами, коренизация иногда редуцировалась до проблемы «перевода делопроизводства на бурятский язык» [10, с. 9].

Итак, можно делать вывод о том, что внедрение титульного языка в практику управления национальными территориями — одна из стержневых целей политики коренизации в целом. Соответственно, особую значимость приобретала и проблема языковой подготовки и переподготовки управленческой элиты. «Задача перевода делопроизводства на бурятский язык, — пишет А.А. Елаев, — потребовала усиления подготовки и переподготовки кадров аппарата». В 1924 г. Президиум ЦИК Бурят-Монгольской АССР принял решение об открытии образовательных курсов по бурят-монгольскому языку по всей республике. Постановление предусматривало трех- и шестимесячные курсы по изучению бурятского языка «для актива советских, партийных и профессиональных работников бурят-монгольской национальности». Решено было также «организовать годовичные курсы по подготовке делопроизводителей и секретарей хошисполкомов, а также центральные курсы для русских ответработников Буреспублики...» [4, с. 184].

Однако главное внимание коренизации сосредотачивалось все же на росте доли титульной нации в управленческих структурах Бурят-Монголии. Верстались планы и количественные индикаторы, в соответствии с которыми устанавливались нормы коренизации. В них прописывались досконально, «где и какие должности и кем должны быть заняты» [5, с. 49]. Вопрос стоял на постоянном контроле Бурят-Монгольского ЦИКа, для чего, в частности, вводилась процедура регулярных статистических отчетов о ходе

«коренизации» в государственном аппарате, в учреждениях, ведомствах, а также по отраслям народного хозяйства [4, с. 185]. Чтобы ускорить процесс роста доли «нацкадров», с 1927 г. стали проводить ее, «не ожидая естественной убыли, а просто в порядке замены» [5, с. 41]. По словам М.Н. Ербанова, «мы допускаем увольнение русских, не ожидая естественной убыли. Так мы ставим вопрос потому, что иначе национализацию аппарата не проведешь. Некоторые товарищи спрашивают, встречаются ли сопротивление мероприятия по национализации аппарата? Сначала были разговоры, но когда товарищи русские убедились, что дело это уже не такое страшное, что национализирован аппарат будет всего на 35%, то враждебное отношение стало изживаться» [5, с. 49]. В 1932 г. выходит специальное постановление президиума ВЦИК, где подчеркивалась «государственная важность и политическое значение этой работы» и были определены «дальнейшие задачи по ее продолжению» [11, с. 161]. К 1936 г. в аппарате республиканских организаций и учреждений БМАССР работало 32,7 % бурят, в районном аппарате значительно больше [11, с. 162].

Таким образом, к концу 1930-х гг. «был сделан громадный шаг по привлечению представителей бурятского населения к государственному управлению. Этот процесс по методам и срокам его осуществления был во многом искусственным, однако в его ходе решилась крайне важная для жизнедеятельности республики задача подготовки национальных кадров» [4, с. 186].

И все же идея интернационализма сохраняла свое определяющее значение. В партийных организациях отслеживалось соблюдение терпимых отношений между русскими и бурятскими сотрудниками. Председатель СНК Бурят-Монгольской АССР М. Ербанов писал, что «...предъявление слишком больших требований вновь принятому неопытному бурят-монголу и отсутствие при этом методов воспитания и помощи, в целях его переподготовки и выработке из него работника... — грубое, пренебрежительно-высокомерное отношение к бурят-монголу со стороны отдельных русских работников в самих аппаратах, тенденция не помогать как товарищу, а третировать на каждом шагу имеет место и по сие время» [4, с. 185]. Значимость манеры взаимодействий между «националами» и русскими работниками подтверждается тем, что за ними следили и пытались контролировать из самой Москвы. Так, в стенограмме 4-го совещания ЦК РКП(б) указывалось: «Товарищи из центра, участвующие в партийной работе среди более отсталых народностей, должны строго выдерживать тон содействия и помощи национальным передовым элементам в их коммунистической и совет-

ской работе, ни в коем случае не допуская ни в действиях, ни в речах ничего, что походило бы на присваивание себе права навязывать и решать, допускать или отменять, вообще распоряжаться, формально опираясь на авторитет центра» [3, с. 284]. Власти Бурят-Монголии подчеркивали, что «проведение коренизации аппаратов требует решительной борьбы со всеми теми, кто не желает проводить этот план и в той или иной мере проявляет сопротивление» [12, с. 10]. Например, в республиканском комиссариате просвещения был уволен заместитель комиссара Широковский и еще ряд сотрудников, так как они не выполняли исходящих сверху приказов по вопросу коренизации. В комиссариате, как следует из отчета республиканского правительства, «был выявлен целый букет великодержавных шовинистов, и многие из них, в том числе и Широковский, были сняты с работы» [12, с. 10]. В то же время могли попасть под удар карающей руки и буряты: «...переоценка своих сил и возможностей... в самой бурят-монгольской массе работников, ...нежелание подчиняться русскому товарищу, руководителю учреждения (уклон в национализм) и предъявление слишком больших требований на занятие той или иной должности (уклон в карьеризм) — все это имеет место в бурятской среде работников» [4, с. 185].

В общем принцип полиэтничности, понимаемый в данном контексте как паритет между русскими и бурятами в структуре органов власти, был глубоко имплементирован в практику коренизации. Как отмечалось выше, она оценивалась как эффективная даже тогда, когда русский партийный деятель использовал национальный язык в своей повседневной работе с населением. Однако дело не ограничивалось только этими обстоятельствами. Вот что можно прочитать в партийных документах того времени: «Вопрос национализации аппаратов предполагает закрепление отдельных должностей не только за бурятами, но и за русскими и тесно связан с вопросом выдвижения как бурят, так и русских рабочих и крестьян на ответственную руководящую работу. По этому плану предусмотрено в течение 1927 года выдвинуть 16 рабочих и 3 крестьянина» [7, с. 29]. Понятно, что социальная идентичность и происхождение предполагаемых работников партаппарата становилась в определенные моменты гораздо более значимой социальной характеристикой, нежели их этническая идентичность, ведь коренизация предполагала, что «основной упор должен быть сосредоточен на большей четкости и выдержанности классовой линии» [9, с. 6]. Ставя предельные горизонты коренизации, политическое руководство Бурят-Монголии отмечало, что большевикам «нужно

добиться осознания каждым членом партии того, что задачи культурно-строительства не только дело бурят-коммунистов, но и задача всех членов партии без различия национальной принадлежности» [9, с. 6, 7]. Иными словами, в полном соответствии с марксистской доктриной социально-классовая идентичность человека доминировала над его этнической аскрипцией.

Коренизация через язык: эксперименты с алфавитом. Как уже упоминалось, неотъемлемым аспектом коренизации была языковая политика СССР. «Реализация языка, — подчеркивал М.Н. Ербанов, — конечно, тесно связана с национализацией аппарата и в этом смысле является как бы дополняющим моментом и существенно важным в области осуществления равноправия отсталых народностей» [13, с. 57]. Она, в свою очередь, выполняла довольно четкий идеологический заказ, сформулированный новой революционной властью. Разработка и внедрение национальных алфавитов, к примеру, во многом преследовала своей целью реализацию эффективной социалистической пропаганды.

Г. Цыбиков, активный участник бурятского национально-культурного строительства, обрисовал необходимость языковых реформ в контексте нового революционного идеологического курса. Он утверждал, что «...новая культура идет на языке, совершенно чуждом языку монгольских племен. Приходится слова новой культуры приспособлять к монгольскому языку. Чтобы приспособить новую культуру, нужно обратиться к запасам своего языка..., а где будет недостаток в этом, то заимствовать слова и понятия у чужих языков, приспособивая к своему родному языку. Это приспособление к своему языку совершенно чуждых слов и понятий ставит актуальный вопрос о приспособлении и письменности этого языка. ...Весь вопрос в том, приспособлять ли старое письмо или создать совершенно новое» [14, с. 21, 22]. Сам он боролся за адаптацию к новым реалиям старой монгольской письменности, рассматривая ее в качестве инструмента поддержания общего монгольязычного пространства и механизма защиты культуры: «...Сохранение и объединение монгольских племен мыслится только на почве единого письменного языка. Он [язык] ...сохранил единство национальности. [...] Сохранившаяся до сих пор монгольская письменность, какова бы она ни была, все же есть наследие культуры данной национальности и имеет за собой ту заслугу, что разрозненные историческими судьбами монгольские племена имеют все же единую литературу. Круто порвать с этой литературой не следует, пока она не изучена и не использована в полной мере» [14, с. 22, 23, 25].

В противовес его позиции более строгие сторонники культурной революции ратовали за вве-

дение латинского письма для бурятского языка. Бурятские большевики исходили из того, что латинский шрифт стал бы «мощным орудием приобщения к социалистической культуре бурят-монгольских трудящихся масс и в борьбе с врагами социализма — ламством, ноенатством и кулачеством» и эффективным «классовым орудием рабочих, батрацких, бедняцких масс на фронте культурной революции» [12, с. 79, 80]. Оппоненты Цыбикова обращали внимание на то, что старомонгольская письменность «совершенно не имеет того массового значения, которое должен теперь иметь вообще алфавит; как орудие успешного культурного развития масс, он, благодаря своей схоластичности, неспособен в какой-либо степени осуществлять революционные задачи развития культуры и тем самым содействовать социалистическому строительству БМ АССР» [15, с. 19], т. е. они ратовали в большей степени за развитие совершенно новых модернизированных в социалистическом ключе форм культуры, игнорируя значимость усилий по консервации традиции: «Наша задача ... встать в ряды нового революционного движения по созданию и развитию новой социалистической культуры в условиях БМ АССР также путем решительной замены алфавита и переделки письменности на латинской основе» [15, с. 19].

Две особенности латинского алфавита превращали его в наиболее выигрышный вариант по сравнению со старо-монгольским письмом. Он был интернационален в том смысле, что «на него перешли и переходят в СССР... всего 26 народов Советского Востока» и в силу этого более удобен, т. е. «облегчает процесс создания ценностей новой социалистической культуры» [15, с. 20]. Отсюда сторонники культурной революции давали крайне негативную оценку всему традиционному письменному наследию монголов, интерпретируя его как серьезный барьер в движении к будущему: «Вопрос замены бурят-монгольского алфавита новым латинизированным алфавитом есть вопрос решительного преодоления и уничтожения старой и стгнившей культурно-идеологической надстройки, и по существу, и по форме своей тормозящей движение вперед, к социалистической культуре» [15, с. 20].

Латинский алфавит, напротив, рассматривался как важный и эффективный триггер общего культурного развития. Он позволил бы быстро сбросить скрепы традиционализма и интегрировать бурят в новую культурно-политическую реальность, конструируемую в русле революционно-социалистической парадигмы. «Вся система нового алфавита и письменности, — утверждали сторонники нового миропорядка, — будет таковой, что она, вне всякого сомнения, максимально обеспечит культурный подъем и революционное развитие

культуры в совершенную противоположность старой монгольской системе, которая лишь способна тормозить это развитие» [15, с. 20].

Линия на латинизацию бурят-монгольского языка резко и безболезненно трансформировалась в требование по его «кириллизации». Идея перевода национального языка на русский алфавит победила в 1939 г. — по решению бюро Бурят-Монгольского обкома ВКП(б) от 11 февраля новый алфавит должен был вводиться с 1 мая [16, с. 193]. В обосновании данного решения было сказано, что введение кириллического письма «значительно упрощало письмо, облегчало изучение как родного, так и русского языка, создавало технические удобства при печатании книг, газет и т.п.» [17, с. 94]. Подчеркивалось также то обстоятельство, что «русский алфавит совершеннее латинизированного: он точнее обозначает звуки бурятского языка, в нем очень мало надстрочных знаков, буквы просты и удобны для чтения и письма» [17, с. 94]. Оценка русификаторской языковой реформы давалась крайне восторженная: о ней писали как о «крупнейшем культурном событии в жизни бурят-монгольского народа» [18, с. 162], которое облегчило «усвоение бурят-монголами и бурятского, и русского языков» и имело своим незамедлительным эффектом «подъем языковой культуры и развитие национальной литературы» [17, с. 94].

Подчеркнем, что в обосновании своих лингвистических экспериментов власть апеллировала к довольно-таки прагматичным вещам, как то сокращение издательских расходов или повышение эффективности образовательных процессов в школах республики. Мысль о метафизической ценностной значимости традиции и ее неприкосновенности сначала отошла на второй план, а затем и вовсе растворилась в пылу революционного реформаторства. Как бы то ни было, языковая реформа расчистила пути для дальнейшей ускоренной модернизации как культуры, так, в недалекой перспективе, и экономики Бурят-Монголии.

Выводы: взаимоадаптация традиции и модерна? Итак, суть политики коренизации сводилась к тому, чтобы инкорпорировать этничность в государственно-политическую систему советского государства, за счет этого блокировать ее националистически-мобилизационный потенциал и подчинить ее развитие задачам всеобъемлющей социалистической модернизации. Укрепившись, советская власть могла позволить себе эксперименты с национальными культурами, не очень-то заботясь о сохранении «национальной формы» и стремясь как можно быстрее и продуктивнее продуцировать «социалистическое содержание». Этническая культура и традиция, которую в силу политической целесообразности необходимо было оставить (сохранить), выступа-

ла в качестве «сырого материала», подвергнувшись активному конструированию: от него отсеклось все, что не укладывалось в рамки марксистско-ленинской идеологии.

Используя такую тактику, новая власть преуспела в опыте создания «социалистической нации». Ей удалось установить контроль над этничностью и использовать традицию для решения собственных политико-идеологических задач. В свою очередь, традиционная этничность инкорпорировалась в модернистский социалистический проект и превращалась в его неотъемлемую часть. В общем, сам принцип кооптации в социалистический строй подразумевал привнесение в него значительного элемента традиционности, постепенно сживавшегося с советской моделью и оказывавшего влияние на ее эволюцию. Какова степень этого влияния, не превысило ли оно некоего предельного порога, ставящего под сомнение успех модернизационного проекта в целом? Это вопрос дальнейшего пристального изучения.

Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00630 «"Плавильный тигель" социализма: интериоризация советской модели в традиционных сообществах Бурят-Монголии (1920–30-е гг.)»

Литература

1. Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве: (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах: материалы междунар. конф. 1993. М.: Наука, 1994. С. 9–34.
2. Мартин Т. Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab imperio. Theory and History of Nationalism and Empire in the Post-Soviet Space*. 2002. № 2. С. 55–87.
3. Тайны национальной политики ЦК РКП: стен. отчет секретного 1У совещания ЦК РКП, 1923. М., 1992. 208 с.
4. Елаев А.А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение М.: Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, 2000. 349 с.
5. Материалы Третьего съезда Советов Бурят-Монгольской Автономной Социалистической Советской Республики (25 мар. – 3 апр. 1927 г.). Верхнеудинск, 1927. 91 с.
6. Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. 2-е изд. М., 2000. 395 с.
7. Материалы об итогах партийного строительства за 3 года (1924–1926). Верхнеудинск, 1927. 37 с.
8. Харунов Р., Харунова М. Политика коренизации кадров в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.) // Альманах школы молодого автора. Евразийское пространство глазами молодых или новое поколение о... М., 2002. С. 207–215.
9. Резолюции 6-й Бурят-Монгольской Областной Конференции ВКП(б) (6–16 дек. 1928 г.). Верхнеудинск, 1928. 18 с.
10. Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика: материалы к отчету IV съезда Советов. 1926/7–1927/8 гг. Верхнеудинск, 1928. 137 с.
11. Санжиев Г.Л. В.И. Ленин и национально-государственное строительство в Сибири (1917–1930). Улан-Удэ, 1971. 176 с.
12. Отчет правительства Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики 1928–1930 гг. М., 1930. 96 с.
13. Бурят-Монгольский Центральный Исполнительный Комитет. Третья сессия (1–9 апр. 1926 г.): протоколы и резолюции. Верхнеудинск, 1926. 353 с.
14. Цыбиков Г.Ц. Монгольская письменность как оружие национальной культуры // Бурятияведение. Верхнеудинск, 1928. 1–Ш (У–УП). С. 11–27.
15. Хабаев И.П. Новый бурят-монгольский алфавит // Бурятияведение: сб. ст. Верхнеудинск, 1930. № 3–4. (11–12). С. 18–23.
16. Культурное строительство в Бурятской АССР (1917–1981) // Документы и материалы [сб. док.] / сост. Л. Санжиев. Улан-Удэ, 1983. 568 с.
17. Николаев А.А., Кудрявцев В.Д. Народное образование в БМАССР за двадцать лет // XX лет БМАССР: сб. ст. Улан-Удэ, 1943. С. 90–105.
18. Залкинд Е.М. Изучение истории, языка, литературы и экономики Бурят-Монголии // XX лет БМАССР: сб. ст. Улан-Удэ, 1943. С. 152–170.